

Амир Хисамутдинов

Улица Суханова

На уровне неба

Амир Хисамутдинов

Улица Суханова

На уровне неба

Исторический путеводитель

Владивосток
ДВФУ
2018

УДК 914.79(036)

ББК 92

X51

Хисамутдинов А. А.

X51 Улица Суханова / Нагорная. На уровне неба: Наброски к путеводителю / А. А. Хисамутдинов. - Владивосток : ДВФУ, 2018. — 90 с.: ил.

ISBN

Улица Нагорная (ныне Суханова), которая будто бы проходит над бухтой Золотой Рог, считается одной из старейших во Владивостоке. Здесь жили известные люди и находится много интересных достопримечательностей. О них и рассказывает путеводитель в очерках «Парк Души и Земли»: Видовая площадка Дальневосточного технического университета, «Давшие имя улице : Сухановы»; «"Наследник Достоевского" Сергей Алексеевич Иванов»; «Здание из желтого кирпича: Владивостокская дума»; «Место встречи - сквер Суханова»; «Дитя солнца: Дом специалистов (Аполлинарий Васильевич Рудаков)»; «Тайными тропами: Дальневосточный федеральный университет»; «Первая видовая площадка Алексеевская сопка»; «Забывтое место: Павел Васильевич Шкуркин»; «"Графская площадь" : Николай Николаевич Муравьев-Амурский»; «Литературное дело: Борис Дмитриевич Оржих». Издание иллюстрировано уникальными фотографиями.

Amir Khisamutdinov. « Sukhanov / Nagornaya Street. At the level of the sky: (Sketches to the guidebook).

Nagornaya (now Sukhanov) Street which runs around the hill much higher than the Golden Horn Bay is considered one of the oldest in Vladivostok. A lot of famous people lived there, and there are many interesting sights. The table of contents includes stories named «Park of Soul and Earth» A species site of the Far Eastern Technical University; «Those who gave the name» are the Sukhanovs; «Heir to Dostoevsky» Sergei Alekseevich Ivanov; «The building of yellow brick» - Vladivostok Duma; «Meeting Point» - Sukhanov Square; «Child of the Sun»: House of Specialists (Apollinari Vasilievich Rudakov); «Secret Trails»: Far Eastern Federal University; «First Species Site» Alekseevskaya Sopka; «The Forgotten Place» - Pavel Vasilyevich Shkurkin; «Grafskaya Square» - Nikolai Nikolayevich Muraviev-Amursky; «Literary work» - Boris Dmitrievich Orzhikh. The publication is well illustrated with historical and contemporary photographs.

ISBN

УДК 914.79(036)

ББК 92

© Текст, исторические фотографии Хисамутдинов А. А., 2018
© Текст, обложка, современные фотографии Шевченко А. К., 2018
© Издательство «ДВФУ», 2018

Предисловие	Содержание	9
«Парк Души и Земли» Видовая площадка Дальневосточного технического университета		11
«Давшие имя» Сухановы		15
«Наследник Достоевского» Сергей Алексеевич Иванов		19
«Здание из желтого кирпича» Владивостокская дума		25
«Место встречи» Сквер Суханова		28
«Дитя солнца» Дом специалистов (Аполлинарий Васильевич Рудаков)		33
«Тайными тропами» Дальневосточный федеральный университет		48
«Первая видовая площадка» Алексеевская сопка		52
«Забытое место» Павел Васильевич Шкуркин		59
«Графская площадь» Николай Муравьев–Амурский		69
«Литературное дело» Борис Дмитриевич Оржих		84
Послесловие		88

Предисловие

Архитектором улиц Владивостока часто становилась природа, заставляя их карабкаться вверх на вершины сопок или причудливо извиваться по склонам. Вот и улица Нагорная, ныне Суханова, получила свое первое имя от жителей, которым приходилось подниматься на сопку «Орлиное гнездо» со стороны Светланской. Нагорная брала начало от улицы Суйфунской (Уборевича) и тянулась до ул. Ключевой, на которой располагалась кирха. Несмотря на большую протяженность, домов на ней стояло не много, чуть больше десятка.

Нагорная была одной из самых спокойных улиц Владивостока, и ее облюбовали для своих прогулок местные спортсмены-велосипедисты, опасавшиеся первых автомобилистов и лихачей-извозчиков. В 1903 г. на Нагорной устроили велосипедный трек, первый на Дальнем Востоке.

Город как на ладони

О Нагорной улице вспоминал один из русских эмигрантов в Сан-Франциско, живший там когда-то: «Во Владивостоке семья поселилась в собственном доме на Нагорной улице. По склону горы вдоль улицы в сторону бухты спускалась деревянная лестница с перилами, а внизу на площадке стоял деревянный дом оригинальной архитектуры с верандой, крытой галереей и множеством разных «сюрпризов» внутри в виде винтовых люков и прочих причуд (ныне на этом месте здание Дальневосточной академии искусств). Склон горы был укреплен двумя ярусами каменной кладки. Там, где кончалась лестница, устроен был хороший колодец с крышкой и воротом. Перед верандой стояла беседка, увитая виноградом, а немного дальше — большое раз — весистое дерево. Особенностью этого дерева было то, что все оно было покрыто большими шипами. Площадка, на которой стоял дом, понемногу понижалась в сторону бухты и кончалась оврагом, куда спускалась очень крутая тропинка. Рядом с полем начиналась гора Алексеевская, на верхушке которой стояла бывшая пожарная каланча. В этой деревянной двухэтажной башне он никогда не видел ни пожарных, ни караульных. Изредка навещали ее люди довольно подозрительной наружности. Оригинальна эта каланча была тем, что посетители оставляли на ее стенах, окнах и дверях многочисленные надписи, вырезанные ножом, а так как эта каланча была довольно преклонного возраста, вследствие чего, вероятно, и была заброшена, то некоторые надписи, судя по датам, были сделаны давным-давно. Кроме надписей, были на ней также и образцы резьбы по дереву, довольно хорошо сделанные. По гнилой, качающейся под ногами лестнице можно было подняться на второй этаж. Отсюда был виден весь город и бухта со стоящими в ней судами».

«Парк Души и Земли» Видовая площадка Дальневосточного технического университета

Улица Суханова по-прежнему остается одной из спокойных улиц Владивостока. Несмотря на быстрое движение машин, которая сопровождает весь город, здесь непреднамеренно хочется остановиться, подумать и насладиться видом. А наслаждаться есть чем.

Началом улицы принято считать со стороны Уборевича, но я вам советую начать ваше путешествие со стороны улицы Некрасовской.

Первая остановка — видовая площадка ДВГТУ. Открывающийся вид стоит того, чтобы пройти пару десятков ступеней. Не доходя до самого верха, сверните налево. Когда-то здесь стоял забор. Уже здесь можно прикоснуться к истории. На стене прикреплена табличка «Парк Души и Земли». Выглядит она как книга, сгиб которой украшает ангел. Текст написан на двух языках — русский и английский. Несмотря на трещины и отколы, суть сообщения понять можно. Парк был открыт в честь дружбы городов Владивосток, Сан-Диего и городов Тихоокеанского побережья.

От красоты и хрупкости захватывает дух (видовая площадка ДВГТУ)

Прикоснувшись к истории, вернитесь обратно на дорогу и продолжите подъем. Через пару секунд вы попадете на видовую площадку. Вид прекрасен. Чем выше поднимаешься, тем масштабней кажется город. Улицу Суханова можно по праву назвать видовой площадкой. Практически с любой точки вы увидите город во всей красе.

Ракушка – символ приморских городов (видовая площадка ДВГТУ)

На вершине мира! (видовая площадка ДВГТУ)

Отцы основатели русского языка
(видовая площадка ДВГТУ)

Чем не мост Искусств в Париже?
(видовая площадка ДВГТУ)

Видовая площадка ДВГТУ

Здесь можно стоять часами, наслаждаясь видом и одиночеством

В тени деревьев

Из интересного здесь не только вид. Над видовой площадкой возвышается своеобразный балкон. На нем стоит памятник двум братьям, создателям старославянской азбуки, Кириллу и Мефодию.

На заборе, которым окружен памятник, влюбленные вешают замки в знак верности и вечной любви. Вы тоже можете оставить такой символический след. Повесьте замок в знак любви к себе, родным людям или просто к городу.

Насладившись видом и сделав прекрасные фото, можно продолжить путешествие. Спустившись с видовой площадки, переходим дорогу. Двигаясь по улице, невольно останавливаясь. Мост здесь невероятно близко, кажется его можно коснуться рукой. Машины едут на быстрой скорости, приковывая к себе внимание.

Переходим дорогу и постепенно погружаемся в улицу Суханова. Владивосток оживленный город. Считается, что ритм жизни здесь быстрее, чем в Москве. Но на Суханова вы этого не заметите. Эта улица не только спокойная, но и мало оживленная. Гуляя по ней, вы не почувствуете себя некомфортно. Встречающиеся прохожие не давят на вас. В толпу вы здесь не попадете. Идеальное место для тех, кто не любит большое скопление людей и спешку в движении. Здесь можно медленно гулять, не заботясь о том, что вы кому-то мешаете.

«Давшие имя» Сухановы

Свое имя улица получила в честь Константина Суханова, сына известного владивостокского чиновника Александра Васильевича Суханова, купившего здесь в 1896 г. небольшой дом.

А. В. Суханов

К. А. Суханов

Александр Васильевич Суханов родился 15 августа 1863 года Воспитанник Благовещенского духовного училища. В службу вступил 12 сентября 1878 г. канцелярским служителем II разряда Забайкальского областного правления. Был секретарем Николаевск-на-Амурского городского полицейского управления (с 7 июля 1882 г.) Неоднократно поощрялся за поимку преступников.

После перевода в Приморье, А. В. Суханов занимал различные должности в Приморском областном управлении. Цесаревич Николай высказал ему «благодарность за отличное состояние дорог и порядок в округе». При этом Суханов был награжден золотыми именными часами и получил в подарок портрет будущего императора. В последующие годы занимал много разных должностей, неоднократно исполнял обязанности губернатора Приморской области. С 1896 г. состоял членом Общества изучения Амурского края. Избирался председателем общества сельских хозяев и был редактором журнала «При-

морский хозяин» (с 11 февраля 1916). В отставку Суханов ушел 31 октября 1916 г. со званием действительного статского советника. Официально «по болезни», но есть мнение, что по причине революционной деятельности младшего сына.

В семейной жизни, в вопросах воспитания детей Александр Васильевич оставался верным себе. У него была большая семья: жена — Анна Васильевна Воронова, воспитанница Читинского детского приюта, и семь детей: по старшинству — Анна, Григорий, Павел, Ольга, Ксения, Константин, Наталья. Суханов воспитывал детей в понятиях чести и долга, но не словами, а делом, своим отношением к смыслу человеческой жизни. Они честно работали для будущего страны, а не за сиюминутные выгоды.

Уйдя в отставку, Александр Васильевич продолжил свою обширную общественную деятельность. Как отмечает газета, «его исключительной энергии обязан своим возникновением Инвалидный дом на Седанке». Суханов до конца жизни работал в созданном по его инициативе и под председательством Приморском сельскохозяйственном обществе. В честь Александра Васильевича названо селение в Хасанском районе Приморья.

Скончался Суханов во Владивостоке в 1921 г. Приморская газета «Голос Родины» поместила краткий некролог, где говорилось, что скончался один из старожилов Владивостока, «служивший долгое время советником Приморского областного правления, замещавший вице-губернатора, бывший ряд трехлестий гласным городской думы».

Его сын, будущий русский революционер, Константин Александрович Суханов родился 6 марта 1894 года в Благовещенске. До 1911 года учился во Владивостоке, а с 1912 по 1916 годы в Петербургском университете. По заданию партийного руководства в 1916 году организовал во Владивостоке «инициативную группу марксистов». Цель создания — ведение революционной пропаганды среди рабочих. После февральской революции 1917 года был членом многих организаций. С ноября 1917 по июнь 1918 года Константин Александрович был председателем исполкома Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов. После свержения советской власти (в июне 1918 года) во Владивостоке, Суханов был арестован чешскими legionерами. Некоторое время содержался

в концлагере, а 18 ноября 1918 года был застрелен «при попытке к бегству».

В братскую могилу Жертв революции в центре Владивостока был перенесен прах активных участников борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке, в их числе и Константин Суханов. Случилось это 4 апреля 1923 года. А в 1961 году на могиле установили надгробие. Гранитная плита темно-красного цвета лежит на цоколе из черного полированного мрамора. Выгравированы имена погибших, объединены общей надписью: «Вечная слава борцам революции, павшим в борьбе за свободу народа. Память о Вас будет вечно жить в наших сердцах». Увидеть могилу можно на улице Светланская, в сквере у памятника Г. И. Невельскому.

В 1927 году, когда отмечалось первое десятилетие Октябрьской революции, было решено переименовать улицу в память погибшего большевика. В 1968 г. в уютном сквере открыли памятник К. А. Суханову (см. «Сквер Суханова»).

Портал в прошлое (Музей К. Суханова – Суханова 9)

С перестройкой отношение горожан к семье Сухановых претерпело изменение. Вспомнили, что не только революционер Константин, но и его отец, государственный деятель А. В. Суханов достоин внимания. Экспозиции музея К. Суханова, открытого 2 декабря 1977 г. (Суханова, № 9), посвятили всей семье. На тот момент это была единственная в крае историко-бытовая экспозиция конца XIX–начала XX вв.

Сейчас любой желающий может ознакомиться с экспозициями музея. Он работает ежедневно с 10:00 до 19:00. Аудиогид подробно расскажет вам о семье Сухановых и поможет на время окунуться в прошлое.

«Наследник Достоевского»

Сергей Алексеевич Иванов

Рядом со зданием музея семьи Сухановых жил краевед, член Приморской краевой писательской организации и Общества книголюбов, писатель, коллекционер Сергей Алексеевич Иванов (1906–1991).

С. А. Иванов

Каждый раз проезжая мимо дома № 5 по ул. Суханова, вспоминаю Сергея Алексеевича Иванова (1906–1991). Я познакомился с ним в Приморском отделении Союза писателей, где время от времени проводил беседы на книжные темы. Помню всегда улыбающееся лицо Сергея Алексеевича, который сразу представился – внучатый племянник Федора Михайловича Достоевского!

Позже узнал, что действительно его бабушка Вера Михайловна (21.07(02.08).1829, Москва — 13(25).03.1896, с. Даровое Тульской губ.) приходилось родной сестрой известному писателю. «В январе 1846 г., — сообщается в генеалогическом древе Ф. М. Достоевского, — Она вышла замуж за врача Константиновского межевого института, статского советника А. П. Иванова, который был вдвое ее старше и практически ей незнаком, но брак оказался удачным. Имение Достоевских Даровое перешло к Вере Михайловне в качестве приданого. Федор Михайлович писал Ивановым: «А кто же милее и дороже мне (да и Анне Григорьевне, кроме своих), - как не вы и ваше семейство...» - (от 1 (13) января 1968 года, Женева). Федор Михайлович любил бывать в семействе Ивановых, изобразив его в многодетном и счастливом семействе Захлебининых («Вечный муж»). Софья (Соня) Иванова — стала одним из самых близких людей для писателя (он посвятил ей роман «Идиот»), сохранились доверительные письма. Эта дружба практически оборвалась после возвращения Достоевского из-за границы (около 1876 года). 26 января 1881 г. Вера Михайловна приехала в дом к Достоевским, чтобы просить брата отказаться от своей доли рязанского имения в пользу сестер, доставшейся ему по наследству от тетки А. Ф. Куманиной. По рассказу Любови Федоровны Достоевской, была бурная сцена с объяснениями и слезами, после чего у Достоевского пошла кровь горлом. Возможно, этот неприятный разговор стал первым толчком к обострению его болезни (эмфиземы) — через два дня великий писатель скончался. Вера Михайловна умерла в 1896 г., похоронена на Нечаевском погосте справа от входа Успенской часовни близ сельца Даровое Каширского уезда».

К сожалению, сейчас не так много людей, которые помнят С. А. Иванова, личные документы которого находится

в Государственном архиве Приморского края, а книги разлетелись по многим библиотекам города.

Я частенько бывал в его квартире, где он с удовольствием показывал свою библиотеку. Вся квартира была завалена книгами – около четырех тысяч экземпляров. Особую гордость хозяина составляла его краеведческая коллекция. Помню его горящие глаза, когда он показывал мне «Илиаду» Гомера 1829 г., которая принадлежала еще Ф.М. Достоевскому. Была у него еще одна реликвия – «Псалмы царя Давида» с пометками знаменитого писателя. А сколько было памятных конвертов, открыток, дипломов, значков и медалей, посвященных Достоевскому! Одну из них он даже подарил автору этих строк.

Он был среди тех, кто создавал Приморскую краевую писательскую организацию, был деятельным членом Приморского филиала географического общества СССР (ныне Общество изучения Амурского края) и Общества книголюбов.

Сейчас многое стерлось с памяти. Помню, как он в красках рассказывал о том, как заведовал парком отдыха, созданным на месте Покровского кладбища, вспоминал, как сносили надгробия, которыми умащали улицы или использовали при строительстве фундаментов.

Сергей Алексеевич был автором многих краеведческих статей и очерков по истории и культуре («Становление Советской Власти на Дальнем Востоке», «Владивосток», «Дальневосточное морское пароходство, 1880–1980» и др.), неоднократно создавал драмы и мелодрамы: «Верность» (1941), «Под Москвой» (1941), «Судьба» (1942), «Сергей Лазо» (1946) и др. Иванов был дотошным краеведом, так как он был свидетелем многих исторических событий. Он немало времени просиживал в библиотеке Географического общества по ул. 1-го мая, № 4, делая выписки из газет по истории гражданской войны за 1917–1920 годы, морского и речного флота за 1923–1967 годы, по истории большевистской печати за 1905–1907 гг. и истории города Владивостока. Иванов очень интересовался историей морского и рыбного дела, так как был редактором многотиражной газеты «Труженик моря», которые выпускали китобои.

Я был неоднократным свидетелем его стычек на темы краеведения с Борисом Владимировичем Августовским

и Валентином Петровичем Бянкиным, известными знатоками Владивостока.

Объятый тишиной (дом, в котором жил С. А. Иванов, Суханова №5)

Являясь увлеченным журналистом, Сергей Алексеевич частенько выступал на радио и телевидении (1964–1988). Он также был автором многочисленных рецензий «Товарищ Дальзавод» (1975), «И вновь продолжается бой» (1978), «Приморский край» (1979), на повесть Ю. Лясоты «Братья Сибирцевы» (1975), на рукописи и произведения приморских писателей и поэтов Будучи театралом публиковал свои мнения на спектакли драматического театра им. М. Горького.

Сергей Алексеевич вел обширную переписку. Он писал, как и известным участникам Гражданской войны, так и знаменитым писателям (М.А. Шолохов, А.А. Фадеев и др.).

Вероятно, «писательское» происхождение всегда его подталкивала для встреч с известными писателями, которые приезжали в Приморье. Так он встретился во Владивостоке в 1931 г. с Михаилом Михайловичем Пришвиным (1873–1954). В дневниковых записях Пришвина нет упоминания о встрече с С.А. Ивановым. Он же вспоминал: «Это было в 1931 году. На Эгершельдском кладбище пожилой человек с большим букетом цветов остановил меня и спросил, не помогу ли я ему найти могилу писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева. Я охотно согласился. Когда мы пришли, мой спутник поклонился могиле и положил цветы к основанию памятника... Это был Михаил Михайлович Пришвин».

Спрятанный в сирени (дом, в котором жил С. А. Иванов, Суханова №5)

В 30-ые годы Иванов познакомился с известным журналистом и писателем Аркадием Петровичем Гайдаром: «Шел 1932 год. Это было горячее время, пионерская организация в городе Владивостоке только создавалась. Я работал тогда председателем Владивостокского бюро пионеров. Мы готовились ко II слету пионеров Дальнего Востока. В эти напряженные дни где-то в конце мая – начале июня секретарь горкома комсомола приводит ко мне улыбающегося парня в военной форме. Это был Голиков (Гайдар). Он рассказал, что приехал в служебную командировку во Владивосток и далее поедет в Артем и Сучан (ныне Партизанск). «Но прежде этого, – сказал он, – мне бы очень хотелось встретиться с вашими ребятами, поговорить с ними, как и чем они живут, каковы их интересы у моря. Вы понимаете: у морских ребят интересы, должно быть, совершенно иные, а я никогда с ними не встречался, и вот мне хочется почувствовать, как море влияет на психологию этих ребят». ... Выступление Гайдара длилось часа полтора. Мы, взрослые, уже начали на ребят поглядывать. Нет, ничего, сидят ребята, слушают, не шумят, не разговаривают».

«Здание из желтого кирпича»

Владивостокская дума

Проходим дальше по улице и видим живое упоминание о хрущевских реформах. В 1955–60 гг. архитектором Л.Х. Рабиновичем было построено здание Совнархоза.

Напоминает башню английских замков (Владивостокская дума)

Изначально было задумано построить два симметричных здания с башнями, в которых должны были разместиться краевые и городские органы власти. Но эта идея так и не воплотилась. В 1958 году в стране по решению ЦК КПСС и Совета министров в каждом крае и области были созданы Советы

народного хозяйства — Совнархозы. Приморский совнархоз разместился по адресу Суханова, 3. Затем здесь располагались снабженцы из «Примснабконтракта».

Ныне здесь разместилась Владивостокская дума. Она отличается от близ стоящих зданий не только своим размером, но и ярким окрасом. Однако путь до улицы Суханова для думы был долгим.

Здание из желтого кирпича, как дорога в страну Оз (Владивостокская дума)

Владивостокское городское самоуправление началось со следующего документа: «1870 год, марта 27-го дня. Жители г. Владивостока, как домовладельцы, так и имеющие земли, согласно заявлению городского начальника войск в г. Владивостоке, на основании параграфа 14 временных правил

общественного управления во Владивостоке и п. Новгородском ...избрали старосту и кандидата к старосте и постановили: всем обществом обязанности старосты возложить на купца Якова Лазаревича Семенова, а обязанности кандидата на Михаила Петрова Колесникова...». Бумагу подписали 30 человек, среди них были две женщины, десять иностранцев и православный китаец. Семь безграмотных мужиков поставили вместо подписи крестик.

Покупку дома для думы, управы и полиции, намеченную еще на первом заседании Думы, удалось осуществить не сразу. Всего Дума решила затратить на это 13 тысяч рублей: 10 тысяч на покупку дома, еще 3 тысячи на приведение его в должный порядок. Как сказано в докладе, «из сумм наличного фонда, оставшихся от прошлых лет». Для указанных целей был приобретен дом, который располагался на том месте, где позднее была построена городская женская гимназия. Это помещение было малым и гласные (Депутаты) озаботились поисками нового помещения

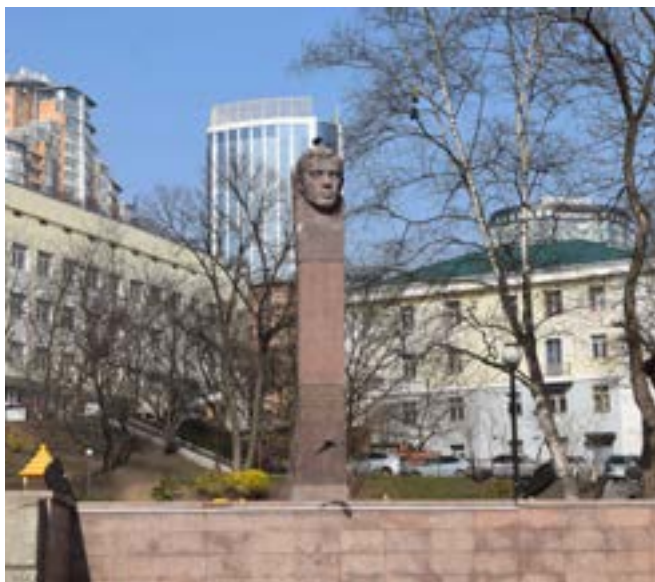
Дело приняло было затяжной характер, но тут подоспело предложение купца И.М. Лангелитье купить у него новый дом по Светланской улице, 57, который был в те годы достопримечательностью центра Владивостока. Городская управа купила его для себя за 120 тысяч рублей. Отцам города понравились два каменных пакгауза, которые примыкали к зданию.

«Место встречи» Сквер Суханова

Следующая остановка – сквер Суханова.

В конце XIX века городские власти передали пространство православной церкви под строительство большого собора. Позднее его предполагали посвятить Памяти героев Русско-японской войны 1904 г. Покровительство взяла на себя императрица Александра. Деньги на церковь собирали по всей России, однако реализовать планы строительства помешала Первая мировая война и переворот 1917 г.

В советские годы в этом месте проводились митинги и демонстрации, а потому территорию стали называть Площадью октябрьской революции. Новые коммунистические власти предлагали соорудить здесь владивостокский форум: спланировать территорию, разбить аллеи, благоустроить откосы. Однако и этим планам не суждено было сбыться.

Голуби облюбовали бюст К. Суханова (сквер Суханова)

Пока шли дебаты по благоустройству здесь разместился знаменитый Суйфуньский базар, разбитый на две зоны — продуктовую и промтоварную.

Сквером имени владивостокского революционера Константина Суханова площадь стала в ноябре 1968 г. В начале героя-революционера предполагали изобразить на коне. Но в итоге ограничились более скромным бюстом. Говорят, что не нашлось достаточного размера гранита.

Сейчас это уютный скверик. Здесь всегда много детей, даже несмотря на маленькую игровую площадку, есть место для того, чтобы покататься на роликах или самокате. Много лавочек, что не может не радовать.

Дань уважения газете (сквер Суханова)

Самое главное сооружение — это шкаф с книгами, который почему-то не давал покоя некоторым жителям, что его даже поджигали.

В шкафу можно найти много интересной литературы, вплоть до очень редких книг. Каждый желающий может взять почитать книгу и оставить свою.

Прекрасный памятник «знаниям» (сквер Суханова)

Масштабный буккроссинг (сквер Суханова)

Присмотрели что-нибудь? (сквер Суханова)

Собираясь в этот сквер, не забудьте взять лакомство для «местных жителей». Голуби здесь частые гости.

А где угощения? (сквер Суханова)

«Дитя солнца» Дом специалистов (Аполлинарий Васильевич Рудаков)

Наше путешествие продолжается. Переходим на другую сторону улицы. Здесь расположилось отличное кафе, где вы можете выпить кофе, перекусить и немного отдохнуть.

Маленькая радость («Пекарня Мишеля», Суханова ба)

Здесь тоже можно сделать отличные фотографии («Пекарня Мишеля», Суханова ба)

Как только вы выйдете из кафе, с правой стороны будет памятник Игорю Тамму — советскому физику-теоретику, лауреату Нобелевской премии по физике (совместно с П. А. Черенковым и И. М. Франком, 1958), лауреату двух Сталинских премий.

Скромный памятник И. Тамму («дом специалистов»)

Игорь Тамм

Дом, в котором находится «Пекарня Мишеля», является одним из трех «домов специалистов». Сейчас они располагаются по адресу Суханова 6, 6а, 6б, а раньше они шли под одним адрес и относились к улице Суйфунской (Уборевича). Построены эти дома в 30-е годы. Формирование фасадов делал известный в городе архитектор Александр Порецков (он же проектировал дом «Серая лошадь»). Наверху этих домов можно заметить остатки лепнины — индустриальные пейзажи. Автор этих панно — известная во всем мире скульптор Ольга Таежная, это ее единственная работа во Владивостоке.

Простые дома с большой историей
(Суханова 6, 6а, 6б — Дом специалистов)

Дом специалистов был рассчитан на 16 квартир, каждая из четырех комнат. По тем временам это были уникальные строения — первые типовые дома, возведенные в 30-е годы (их проекты были привезены из Москвы). В этих домах жили известные в городе личности. Также там выделялась квартира Александру Фадееву, но он там так и не поселился. Некоторых жильцов этих домов в 30-е годы репрессировали. В этом доме жил в последние годы жизни, выдающийся китаевед Аполлинарий Рудаков.

Аполлинарий Рудаков

Эпиграфом для одной из своих служебных записок профессор А.В. Рудаков взял изречение: «Конфуций сказал: Ю, научить ли тебя знанию? Что знаешь, то и говори, что знаешь; а чего не знаешь, то и говори, что не знаешь. Это-то и есть знание. Лунь-юй». Аполлинарий Васильевич всю жизнь стремился к знаниям и учил этому своих студентов.

Мальчик Аполлинарий, что означает «дитя солнца», родился в семье Рудаковых 9 июня 1871 г. в Ленкорани около Баку. Поль, как звали родные Аполлинария, учился в 7-ой гимназии Санкт-Петербурга. В те годы многие мальчишки увлекались дальними странами. Особенно мальчика привлекал Китай. Этому способствовало и то, что у него были отличные задатки лингвиста. Поэтому после окончания гимназии Поль Рудаков долго не раздумывал и поступил в 1891 г. на китайско-монголо-маньчжурское отделение факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

17 мая 1896 г. А.В. Рудакова удостоили дипломом первой степени. Ему поступили самые лестные предложения. В частности, А.М. Позднеев предложил поехать во Владивосток и стать исполняющим обязанности профессора в первом дальневосточном вузе — Восточном институте, который открывался на далекой российской окраине. Его выпускники предназначались для работы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Аполлинарий Рудаков принял это предложение.

Летом 1899 г. Аполлинарий Рудаков приехал во Владивосток, а 13 августа его назначили исполняющим должность профессора китайского языка Восточного института.

За напряженными занятиями наукой и преподаванием Рудаков не переставал думать о своем будущем. После некоторых сомнений он решил навсегда остаться на Дальнем Востоке и позднее никогда не жалел об этом. Чтобы окончательно осесть во Владивостоке, Аполлинарий Васильевич в 1903 г. взял ссуду в банке и купил небольшой земельный участок в Голубиной пади, где начал строительство дома. Когда дом был построен, китаевед сдавал второй этаж небольшой школе, открывшейся на Голубинке.

28 октября 1906 г. тридцатипятилетнего А.В. Рудакова утвердили директором Восточного института. До этого, с 31 октя-

бря 1905 г. по 21 мая 1906 г., он исполнял обязанности директора института.

Аполлинарий Васильевич не мог не задумываться о будущем Восточного института. В своей записке он предложил целую программу по реорганизации Восточного института и его преобразование в полноценное высшее учебное заведение. Но условия Первой мировой войны не способствовали выполнению намеченного.

Аполлинарий Рудаков в своем кабинете

Власти относились с огромным уважением к Восточному институту, возглавляемому Рудаковым. Отношения между преподавателями и студентами также соответствовали духу высшего учебного заведения. Аполлинарий Васильевич мог найти общий язык с любым посетителем. Но за ежедневными хлопотами по совершенствованию учебного процесса и обустройству института у него совсем не оставалось времени

на личную жизнь. Несмотря на успех у женщин, Рудаков так и не был женат. После этого А.В. Рудаков решил не заводить семьи, а взять в дом девочку, которую воспитывал бы как собственную дочь. В доме его приятеля, управляющего нефтебазой на Первой речке, хозяйство вела женщина из села Поповка. У нее было шесть детей, и семья считалась бедной, хотя и имела в селе две коровы и две лошади. Но после революции хаос пришел и в приморскую деревню. Глава семьи, вернувшись с фронта, считал за благо переехать во Владивосток. На одну из дочерей домработницы, Женю, и пал выбор Рудакова. С 12 лет девочка жила вместе с хозяйскими детьми и воспитывалась соответствующим образом. Так в 1917 г. Женя поселилась в доме Рудакова, помогал он и ее родственникам.

1917 год полностью перевернул жизнь в Восточном институте. Вначале профессура Восточного института приветствовала Февральскую революцию, которая, на их взгляд, могла значительно улучшить положение высшей школы на далекой окраине России. По поручению Конференции профессоров института А.В. Рудаков отправил в Петроград телеграмму «с выражением горячего пожелания, чтобы Восточному институту были предоставлены широкие реформы на началах свободного научного самоопределения». Тогда никто не мог и предполагать, во что действительно выльется эта свобода.

17 апреля 1917 г. руководство Восточного института сложило свои полномочия. Поэтому Аполлинарий Васильевич отправил телеграмму в Петроград о своем уходе с поста директора, но остался на должности профессора китайского языка Дальневосточного государственного университета.

Время работы в ГДУ было очень тревожным. Преподаватели уезжали из Владивостока один за другим, все чаще случались аресты, все меньше становилось у Рудакова друзей и собеседников. Но именно тогда профессору улыбнулось семейное счастье. Два одиноких сердца, живущих под одной крышей, несмотря на огромную разницу в возрасте, потянулись друг к другу. С кем мог говорить Рудаков по душам, не боясь быть неправильно понятым, так это с Женей. Она к этому времени выросла, но звезд с небес не хватала. Родные говорили о ней: живет, как барыня. Она действительно выглядела барышней,

была очень изящной — модная короткая стрижка, тонкие черты лица, точеная фигурка. Пора было выходить замуж, но, как и у Рудакова, ее личная жизнь не заладилась. Одно время был жених, но он вскоре женился на другой девушке.

Однажды Аполлинарий Васильевич предложил Жене стать его женой: «Я не из молодых. Если со мной что-то случится тебе останется этот дом». Это произошло 28 марта 1928 г. Свадьба была очень скромной. Жениху уже исполнилось 55, а невесте было только 20. На первый взгляд, неравный брак, сошедший с полотна художника. На самом же деле супруги Рудаковы испытывали глубокие чувства и искреннее уважение друг к другу.

А. В. Рудаков и Женья

Авторитет А.В. Рудакова у властей был весьма высок, к его совету часто прислушивались. Правда, ученому приходилось много времени уделять дому, производить ремонт, хотя в 1927 г. у него ноги значительно ограничили передвижение. Как водилась в те годы, у Рудаковых был повар-китаец. У него Женья и научилась готовить. Вскоре границу с Китаем закрыли, и пришлось всем заниматься самим. Сбережения Рудакова пропали еще во время Гражданской войны. Зарплата в ГДУ была крайне низкой, денег в семье почти не было. Выручал Торгсин, куда постепенно сдавали столовое серебро и золотые украшения. Женья закончила курсы кройки и шитья и немного зарабатывала, обшивая соседок.

В 1929 г. ученого выдвинули на избрание в члены-корреспонденты Академии наук. Его коллеги отмечали: «Интерес к маньчжуроведению в то время дал также толчок к обеспечению этой отрасли русского востоковедения новой научной силой в лице профессора А.В. Гребенщикова, после смерти профессора Петербургского университета Захарова являющегося, после долгого промежутка лет, единственным самостоятельным научно-подготовленным специалистом по маньчжуроведению. Если к этому прибавить выполненные А.В. Рудаковым по собственной инициативе труды по изучению китайского языка, а также продолжительное обслуживание монгольской кафедры (изданы были соответствующие тексты для лекций из «Алтан Тобчи»), то должно прийти к заключению, что научная деятельность профессора Аполлинария Васильевича Рудакова за минувшие 29 лет прямо и косвенно способствовала к заполнению весьма ощутимого пробела в русском востоковедении... В настоящее время профессор А.В. Рудаков полон энергии к научно исследовательской работе. Выпущенные листы труда под названием «Практический словарь китайского литературного языка» как результат специальных изысканий представляют собою начало ценнейшей работы в области изучения китайской лексикологии и структуры китайского языка. Это обстоятельство указывает, что профессор А.В. Рудаков, не прекращающий своей научной деятельности и отдающий свои знания и силы для общего культурного строительства Республики, будучи избранным в Академию по

кафедре китаеведения и китайского языка с честью будет нести высокие перед наукой и СССР обязанности».

Хотя авторитет А.В. Рудакова среди российских китаеведов оставался высоким, в Академию его не избрали. Все-таки французы ценили китаеведа больше. Правда, тогда он стал членом Владивостокской секции Тихоокеанского комитета Академии наук.

Избежав ареста, А.В. Рудаков столкнулся с неожиданной проблемой. Учителям арендуемой школы срочно понадобилась жилье. Власти быстро национализировали дом Рудаковых и предложили хозяевам подыскать себе новую квартиру. В 1932 — 33 г. Женя Рудакова занялась ее поисками. Мир не без добрых людей. Кто-то из бывших студентов Рудакова предложил не спешить. В это время готовился к сдаче Дом специалистов на улице Суханова. В нем Рудаковы поселились в 1936 г. — в квартире на первом этаже — профессору уже было очень трудно передвигаться.

Первое время в доме была страшная теснота: в каждой комнате жило по семье человек. Но вскоре репрессии решили и эту проблему. Для семьи Рудаковых эти трагические годы были скрашены рождением дочери. Супруги уже и не чаяли, что у них может родиться ребенок. Это произошло в 1938 г. Девочку назвали Татьяной — вероятно, в честь святой-покровительницы наук и высшего образования.

В том же 1938 г. приказом по войскам военный факультет Дальневосточного Краснознаменного фронта во Владивостоке был создан, где стал преподавать и А.В. Рудаков

Близкие предлагали Рудаковым уехать в Одессу: многие советовали ему сменить владивостокский климат, весьма отрицательно влиявший на организм, на более теплый. Интуиция и тут не подвела Аполлинария Васильевича, говорившего: «Не спешите...». А может, ему хотелось в родном Владивостоке закончить начатое?

С середины 1930-х годов политическая обстановка на Дальнем Востоке осложнилась. Многие предрекали скорое начало большой войны. Советская власть хорошо понимала, что невозможно обойтись без военных переводчиков. С этой целью было решено организовать военное отделение Института

востоковедения им. Нариманова. 1 сентября 1939 г. А.В. Рудаков стал профессором этого отделения. 8 ноября 1939 г. он дал «торжественное и клятвенное обещание» при воинской части №409. Через год военное отделение закрыли, но тут проявилась возможность преподавать китайский язык на курсах военно-морских переводчиков, открытых при воинской части №30930.

Супруги Рудаковы с дочерью Татьяной

Известно, что в это время Аполлинарий Васильевич подготовил десятки высококвалифицированных переводчиков. Хотя они не имели того комплексного образования, которое давал Восточный институт, при их обучении Рудаков использовал богатейший опыт подобных курсов, которые существовали в то время, когда он был еще директором института. Из-за боли в ногах А.В. Рудаков не мог, как раньше, подняться

на кафедру и писать на доске иероглифы. Это же лишило его и возможности ездить по городу. Выручала квартира, где всегда толпились ученики, одетые в военную форму. Домашняя обстановка способствовала непринужденности занятий. Семинары, которые вел профессор, превращались в клуб увлеченных китайским языком и культурой. А.В. Рудаков очень доходчиво и просто пояснял всякие трудности в изучении языка, рассказывал о своих приключениях в Китае. Многим слушателям он казался человеком из неведомой жизни, каким-то чудом попавший к ним.

Семья Рудаковых со студентами

Начало Великой Отечественной войны и отпавшая угроза нападения Японии на Советский Дальний Восток способствовали тому, что переводческое отделение закрыли. 24 августа 1943 г. А.В. Рудакова уволили в связи с ликвидацией части. Отсутствие постоянной работы сильно осложнило материальное состояние семьи. Случайные уроки помочь не могли.

Не поэтому ли вечерами Аполлинарий Васильевич постоянно читал небольшой молитвенник в металлической обложке? Вся надежда была на Женю, которая обшивала сотрудниц НКВД и офицерских жен. Не принесло облегчения в материальном плане и окончание войны. Денег катастрофически не хватало, поэтому, скрепя сердце, Рудаков решился продать часть библиотеки, успокаивая себя тем, что это была художественная литература. Аполлинарий Васильевич обратился к бывшему ученику Р.В. Вяткину. Рудольф Всеволодович договорился с заведующим отделом комплектования Государственной публичной библиотеки в Москве.

Книги купила библиотека офицеров ТОФ за 100 тысяч рублей. В то время это были большие деньги, но и они постепенно растаяли...

Криком отчаяния наполнены строки письма жены профессора: «Все, что имели лишнее и даже необходимое, пришлось продать и прожить. Я изворачивалась, как только могла, но все это не выход из тяжелого материального положения. Работать идти я не могла, так как за ним нужно ходить как за ребенком. Представьте себе человека, который совершенно не двигается, ему нужно во всем помочь. Взять человека, который бы его обслуживал, я не в состоянии. Но и дальше жить нет никакой возможности, мы голодаем все чаще и чаще. Остается отправить его в дом инвалидности, а самой идти работать, чтобы не дать умереть от истощения себе и ребенку».

В последние годы жизни Аполлинарий Васильевич Рудаков много думал о восстановлении Восточного института. Еще в начале 1941 г. в одном из своих писем он писал: «Лучше всего меня устраивало бы открытие Восточного института во Владивостоке, и тогда я мог бы работать приблизительно при тех же условиях, как в ДВГУ. За утратой библиотеки я мог бы прийти на помощь Восточному институт своей личной библиотекой, в которой книги не заштемпелеванные и без печатей, содержащиеся аккуратно и не загрязненные послужили бы основным книжным фондом. Книги эти, на английском, французском, немецком и русском языках, по содержанию относятся к области синологии вообще,

ориентальному языковедению и монголоведению (около 400 томов). Кроме того, сюда нужно отнести значительную китайскую библиотеку (с большим количеством томов), начиная с династийных историй и кончая языковедческой литературой и книгами более легкого содержания».

Уже после окончания Отечественной войны А.В. Рудаков написал об этом небольшую статью в газету «Красное знамя».

Узнав о том, что во Владивостоке восстанавливается Дальневосточный филиал АН СССР и намечается открытие новых научно-исследовательских институтов, А.В. Рудаков вновь предложил открыть востоковедческий центр. Увы, время для восстановления востоковедческого образования во Владивостоке тогда еще не подошло...

Необычная жизнь А.В. Рудакова продолжала притягивать к нему журналистов. Газета «Красное знамя» писала: «Его кабинет заставлен высокими шкафами, полными книг на всевозможных языках, свертками рукописей, пачками бумаг, перевязанных бечевкой. Большой письменный стол завален книгами и бумагами. Рядом, на небольшом столике, «Ундервуд» с маленькой кареткой, на котором Аполлинарий Васильевич печатает сам. В большое окно, выходящее на юг, вливались широким потоком солнечные лучи».

А вот что писал о своем кабинете сам Рудаков: «Библиотека состоит из книг научного содержания по китаеведению на русском, английском, французском, немецком, китайском и маньчжурском языках; книги эти приобретались мною лично на средства от моей зарплаты и гонораров за мои ученые работы. Часть шкафа отведена под русскую и иностранную беллетристическую литературу русских и иностранных писателей в русском переводе, которые выписывались мною из книжных магазинов Ленинграда». Особой гордостью Рудакова был большой шкаф с ромбовидными решетчатыми стеклами, в котором хранилось огромное бесценное собрание книг и рукописей, купленных еще в Пекине.

К этому времени Аполлинарий Васильевич мог передвигаться только по комнате. Да он и не хотел большего: его кабинет, заполненный книгами и рукописями, позволял ему плодотворно работать, а Женя ловила каждый взгляд мужа,

чтобы исполнить все просьбы. Находилась и свободная минутка для маленькой Татьяны, которая часто просила отца почитать сказки. За неделю до кончины А.В. Рудакова парализовало. Его сразу увезли в городскую больницу, где он и скончался 11 мая 1949 г. в девять часов утра. Ученый похоронен на Морском кладбище Владивостока.

Сейчас в «домах специалиста» также живут люди. Проходя мимо, сложно представить, что когда-то здесь жил человек с невероятной судьбой, многое сделавший для своего города. Невольно задаешься вопросом: «Знают ли современные жильцы о истории своих квартир, домов?»

«Тайными тропами»

Дальневосточный федеральный университет

Рядом с «домами специалистов» стоит местное «Вестминстерское аббатство». Появилось оно в 1910 году. Тогда это было Коммерческое училище, строительство которого оживило улицу. Автором проекта этого красивого здания (Суханова, № 8) был инженер службы пути и движения КВЖД Сергей Александрович Венсан. За предоставленный проект он получил первую премию — 700 рублей. Государственная дума утвердила ссуду на строительство в сумме 250 тыс. рублей с рас-срочкой погашения на 25 лет. Строительство было поручено ин-женеру Никлевичу.

Коммерческое училище (Суханова 8)

В годы Гражданской войны студенты потеснились, и в здании училища работало Народное собрание. Одно время располагались в нем и каппелевцы, которые, впрочем, не меша-ли местным поэтам-футуристам устраивать там же свои вече-ра. После окончания Гражданской войны в здании разместился Дальневосточный университет (ныне корпус Дальневосточного федерального университета).

Интересный факт — говорят Игорь Евгеньевич Тамм, памятник, которому стоит рядом с «домами специалистов» учился в Коммерческом училище.

Хогвартс совсем рядом (ДВФУ, Суханова 8)

Тридцатые годы оставили свой след на улице Суханова. В аудиториях университета, закрытого к тому времени, разместилось Приморское управление НКВД, а рядом были построены дома для офицеров этого ведомства, стяжавшего ужасную славу. Прямо под здание, ржавая винтовая лестница спускалась на 8 этажей вниз. Вела она в одно из первых убежищ скального типа для УНКВД. Во время Великой Отечественной Войны здесь был размещен городской штаб МПВО (местной противовоздушной обороны) и телефонная станция перехвата АТС. В это же время, внутри горы Почтовая (Алексеевская сопка) растут тоннели и появляются новые выходы и отсеки. Строится 400-метровый тоннель к бухте Золотой Рог. Он соединяет здания Крайкома ВКПб и Крайисполкома. Раньше подземными ходами можно было выйти из аудитории университета прямо к бухте Золотой Рог. Сейчас туннель залит жидкой глиной и илом. Однако любой может пройти по сохранившимся туннелям

и прикоснуться к истории. Для этого существует туристический пеший маршрут «Тайными тропами партии».

Туннель в прошлое (туристический пеший маршрут «Тайными тропами партии»)

В пятидесятые годы университет вернулся в здание бывшего Коммерческого училища, и очевидцы рассказывали, что стены его подвала хранили выцарапанные надписи, свидетельствовавшие о последней воле их авторов.

История, к которой можно прикоснуться (ДВФУ, Суханова 8)

Еще один выдающийся ученик Коммерческого училища (ДВФУ, Суханова 8)

Не менее выдающийся ученик Коммерческого училища (ДВФУ, Суханова 8)

«Первая видовая площадка»

Алексеевская сопка

А теперь зайдём за здание ДВФУ. Там расположилась Алексеевская сопка. Морская лоция сообщает: «Сопка Алексеевская высотой 82 м расположена на северном берегу бухты Золотой Рог в 5,1 кабельтовых к востоку-северо-востоку от сопки Тигровая и в 2 кабельтовых от береговой линии».

Изначально сопка, среди местных жителей, имела неформальное название «Содомская» («Голопуп» или «Гора безобразия»), потом Церковная / Успенская, а с 1885 - «Почтовая».

Вид с Алексеевской сопки

На этой сопке находится географический центр Владивостока. Координаты города впервые были определены в августе 1861 г. старшим штурманом корвета «Гридень» П.Ф. Чуркиным. В 1866 г. лейтенант Сибирской флотилии К. Старицкий измерил магнитные координаты, определил абсолютную долготу Владивостока и высоты гор полуострова

Муравьев-Амурского. При его участии в том же году были установлены два астрономических пункта, через которые проходит географический меридиан города: бетонный на Успенской (с 1873 г. — Алексеевской) сопке и деревянный на горе Орлиное Гнездо. Последний был демонтирован при строительстве телевизионной вышки в 1956 г. Геодезический знак на сопке Алексеевской (с 1924 г. — Почтовой) представляет собой четырехгранную призматическую тумбу с упрощенной капителью и плинтсом, выполненную из бетона на гравии. В 1880 г. к тумбе была прикреплена чугунная табличка с текстом: «Пункт Лапласа. Определен в 1880 году». В 1912 г. проводилась повторная проверка координат города, на южной грани тумбы была укреплена чугунная плита с текстом: «Основной астрономический пункт города Владивостока». На вершине тумбы был установлен чугунный шар с выгравированными на нем координатами: 43°37' с. ш. и 131°54' в.д. В XX в. из-за отсутствия должного ухода памятник приведен в руинированное состояние: похищены чугунные плиты и шар, тумба частично повреждена и исписана надписями. Идея восстановления пункта, как памятника витает в воздухе, но пока к этому не предпринято никаких попыток.

Алексеевская сопка

Семья Романовых оставила свой след не только в истории России, но и Владивостока. Речь идет не только об известном факте, когда будущий император России Николай Александрович символически заложил в 1891 г. Транссибирскую магистраль, но и о Великом князе Алексее Александровиче, четвертом сыне Александра Второго. Он родился 2 января 1850 г. Как водилось в те времена, в возрасте трех лет его зачислили в Гвардейский экипаж, а еще через три года назначили шефом 27-го флотского экипажа. Уже в 16 лет Великий князь стал лейтенантом.

Справедливости ради надо заметить, что сановным особам приходилось отрабатывать свои эполеты. В мае 1867 г. молодой князь отправился из Кронштадта в длительный поход: на фрегате «Александр Невский» он хотел обогнуть Африку. В плавании путешественника ждало приключение: однажды ночью фрегат разбился, и князь «с опасностью для жизни» перебрался на берег. Кораблекрушение не отбило у Его Высочества охоту к странствиям, и в 1871 г. он в должности старшего офицера фрегата «Светлана» совершил кругосветное путешествие в Северную Америку, а уже оттуда 5 декабря прибыл на внешний рейд порта Владивосток. Мощные льды в проливе Босфор Восточный не дали кораблю зайти в Золотой Рог, и «Светлане» пришлось вернуться в Нагасаки.

Ожидая, пока расчистится лед, Великий князь несколько месяцев провел в море, совершая заходы в порты Китая. В начале мая 1873 г. русская эскадра в составе фрегата «Светлана», корветов «Витязь» и «Богатырь» бросила якорь в бухте Золотой Рог. Владивосток в тот год получил новый скачок в своем развитии: из Николаевска-на-Амуре сюда был переведен военно-морской порт. Алексей Александрович со своими спутниками остановился в доме главного командира портов Восточного океана и в первый же день отправился осматривать город. «Отцы-командиры» уговорили сиятельного путешественника пойти на охоту в окрестности Владивостока, которые славились дичью. Трофеи охотников превзошли все ожидания.

Его Высочество не пренебрег и государственными делами. Он пригласил «отцов города» и купечество к себе на обед. В той знаменательной беседе, которая вошла в анналы истории Владивостока, Великий князь «призывал

к самостоятельности» городских коммерсантов. Тогда же он предложил горожанам организовать местный музей, пообещав для него экспонаты из своего путешествия. Если к первому предложению владивостокцы отнеслись с полным пониманием, то ко второму — с явной прохладцей. К идее создать во Владивостоке музей горожане вернутся через десять лет. Пока же, воодушевленные встречей с представителем императорской фамилии, решили переименовать гору Церковную — в Алексеевскую, а улицу Американку — в Светланскую, по имени фрегата «Светлана». Вскоре на Алексеевской горе была построена пожарная каланча — будка пожарного смотрителя.

Улица Светланская

На Алексеевской сопке производил исследования Онацевич. 14 сентября 1874 г. М.Л. Онацевич въехал во Владивосток, затратив на весь путь через Российскую империю два с половиной месяца.

В бухте Золотой Рог уже стоял военный корвет «Корсар» Соединенных Северо-Американских Штатов, который обеспечивал работу американской экспедиции по наблюдению за Венерой, которой руководил профессор Галл. Заранее прибыл во Владивосток кругосветным путем и помощник Онацевича подпоручик корпуса флотских штурманов Шубин, который привез часть приборов для наблюдения, которые установили на высоком берегу бухты в нескольких метрах от деревянной будки, служившей в свое пункт наблюдения для К.С. Старицкого.

Мастеровые из портовых мастерских по заказу Шубина уже построили специальную башню цилиндрической формы для телескопа. Она состояла из деревянных щитов, скрепленных металлическими полосами, и стояла на каменном фундаменте. То ли из-за спешки в строительстве, то ли из-за плохого качества материалов, кирпичная кладка фундамента оказалась непрочной, и он стал разваливаться прямо на глазах. Возмущенный Онацевич вытаскивал кирпичи из башни голыми руками и ругался про себя на строителей. Отчитав Шубина за доверчивость, он заказал новую башню, где связи между кирпичами были уже из цемента. Верхняя часть башни с крышкой вращалась на подшипниках, рядом стоял столб для пассажного инструмента. Телескоп, которым пользовался Онацевич, был взят из Пулковской обсерватории. Рядом с пунктом наблюдения гидрографы установили старенькую парусную палатку, принадлежавшую еще Старицкому.

Наконец, настал и долгожданный день - 27 ноября 1874 г. К нему давно уже были готовы и Онацевич со своим помощником Шубиным, и другие исследователи. Для того, чтобы обеспечить точность наблюдений и застраховать себя от возможных случайностей, они решили вести наблюдение из разных мест: Онацевич — во Владивостоке, Глазенап — в Никольск-Уссурийском, Струве — в Посъете, Петровский — в Камень-Рыболове. Шубина Онацевич отправил в Находку, а в Японии находился русский гидрограф Елагин. Со всеми учеными Онацевич постоянно поддерживал связь при помощи телеграфа.

В решающий день Онацевич встал пораньше, тщательно подстриг свою короткую бородку, надел парадную форму. «Буд-

то иду на свидание с любимой девушкой, о которой последние месяцы были все мысли, - подумал Онацевич, - недаром она зовется Венерой». Утро было ясное, но стрелка барометра падала, предвещая ухудшение погоды. «Неужели не повезет, и наблюдение сорвется?» — с тревогой думал Онацевич. Даже сознание того, что другие исследователи могут оказаться более везучими, чем он, не успокаивало гидрографа. Мысль, что он своими глазами может не увидеть уникального явления, не давала ему покоя.

Откуда ни возьмись, появились слоистые облака, они медленно плыли по небу, постепенно заполняя собой весь небосвод. Скрылось солнце. Онацевич начал нервничать, бросаясь от одного прибора к другому. Матрос, выделенный ему в помощники, попытался пошутить: «Взять бы сейчас метлу да разогнать облака подальше от солнца!»

Но Онацевич шутку не поддержал, всецело занятый своими мыслями. В последнюю минуту солнце будто бы услышало молитву исследователя и засияло в голубой прогалине, внезапно образовавшейся среди облаков. Онацевич кинулся к телескопу. Хронометры отметили 10 часов и 32 с половиной секунды, когда Венера медленно, величаво, словно особа царских кровей, вступила на диск солнца. Операция «Венера» окончилась благополучно.

Весь город как на ладони (Алексеевская сопка)

На вершине сопки с 1903 г. хотели поставить памятник Александру Третьему, но вмешался Николай Второй который попросил построить (на уже собранные деньги к памятнику 60 тыс. рублей) — приют! Вскоре был создан приют им. Императора Александра. (Почтовый переулок 9а). А в 1912 г. тут был посажен также сад площадью 2616 кв сажень и ассигновано 1500 рублей, часть сада сохранилась до сих пор.

«Забывтое место»

Павел Васильевич Шкуркин

Насладившись удивительным видом, двигаемся дальше. Следующее значимое место на первый взгляд таким совершенно не покажется. С обратной стороны театра Горького сейчас расположен небольшой пустырь, примыкающий к улице Суханова. А жаль, так как здесь был дом известного востоковеда Павла Васильевича Шкуркина.

Сложно представить, что здесь был дом (место дома П.В. Шкуркина)

Всем известна популярная книга В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», но мало кто знает, что предисловие к первому изданию — под названием «Необходимое предуведомление» — написал некий П. В. Шкуркин. В более поздних изданиях это предисловие было заменено на известное письмо Алексея Горького. Желание выяснить, кем же был этот человек, и найти какие-то биографические сведения о Шкуркине стало причиной многолетнего поиска, и только случайная встреча в Сан-Франциско с внуком П. В. Шкуркина Владимиром Владимировичем Шкуркиным и работа в его семейном архиве позволили выяснить многие факты из жизни этого человека.

Узнать характер замечательного востоковеда–синолога помогла и рукопись «Прошлое», принадлежащая перу его сына Владимира Павловича Шкуркина, которая также хранится в семейном архиве.

Павел Васильевич Шкуркин

Павел Васильевич Шкуркин родился 3 ноября 1868 г. в семье офицера в г. Лебедине Харьковской губернии. Продолжая профессию своих предков, он поступил в 3-е Александровское

военное училище, которое с блеском окончил в 20 лет. Казалось, теперь путь один — в лейб–гвардию, но подпоручик Шкуркин предпочел отправиться на Дальний Восток. По пути туда морем у молодого офицера появилась шальная мысль отстать в Индии от парохода — «добровольца» и пешком добраться до восточной окраины России. Но потом решение переменялось, и в разгар золотой осени 1889 г. пароход «Петербург» привез Павла Шкуркина во Владивосток. Он был зачислен в 5-й Восточно–Сибирский линейный батальон.

С первых же дней молодого офицера очаровал город у моря. Здесь же неожиданно для себя подпоручик Шкуркин женился. Как-то раз в Морском собрании один из мичманов пренебрежительно обошелся с ним. Формально придраться было не к чему, и тогда Павел Шкуркин в отместку решил отбить у обидчика девушку. Дело было сделано, да так успешно, что вскоре он повел ее под венец.

Гарнизонная жизнь вскоре надоела П. В. Шкуркину, и в октябре 1893 г. в чине поручика он уволился со службы. По личному приглашению губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера он стал приставом Верхне–Уссурийского участка. В это время он совершил множество поездок вдоль корейской границы, составив несколько карт. Уже тогда он увлекся собиранием образцов устного творчества местного населения. Позднее эти материалы вошли в его книги.

Через год П. В. Шкуркина назначили приставом Ольгинского участка, где он в основном занимался уничтожением хунхузов. Мало кому известно, что брат Дерсу Узала Степан был непрямым проводником пристава Шкуркина в его рейдах по приморской тайге. В это время Шкуркин не на шутку увлекся изучением жизни китайцев и научился сносно разговаривать на китайском языке. Жизнь Шкуркина в Ольге складывалась удачно. Здесь родились оба его сына: 6 февраля 1898 — Олег, а на следующий год — Володя. За отличие по службе титулярный советник П. В. Шкуркин был награжден первым орденом — Св. Станислава 3-й степени. А вскоре счастье вновь повернулось лицом к Шкуркину — во Владивостоке открылся Восточный институт, куда он тотчас же решил поступить. Сослуживцы отговаривали его, считая, что это не пойдет

на пользу карьеру, но Павел Васильевич остался при своем мнении. 24 августа 1899 г. он написал прошение: «... заинтересованный изучением края и культурой инородческого населения я, — насколько позволяла мне обособленная жизнь человека, выброшенного в места, удаленные от жизненных центров, — изучил на практике язык (слабо), обычаи и особенности жизни китайского населения Южно-Уссурийского края, особенно Засучанья, Верхне-Уссурийского и Ольгинского участков. Чувствуя, что без солидного посредства и руководства при изучении жизни и языка инородцев мои знания навсегда останутся недостаточными, я хочу дополнить их в учебном заведении ...».

Павел Васильевич Шкуркин с женой

По просьбе Шкуркина 3 ноября 1899 г. он был переведен в штат Приморского областного управления во Владивостоке и стал вольнослушателем китайско-маньчжурского отделения Восточного института. Несмотря на все трудности, связанные с изучением китайского языка, Павел Шкуркин прекрасно справлялся со всеми заданиями. Во время летних каникул он совершал научные поездки в Китай. Не гнушался он и работой у китайцев. Так на практике он оттачивал языковые навыки, а вместе с тем познавал быт китайцев. Когда 10 мая 1900 г. группа студентов, в числе которых был и Павел Шкуркин, вместе с профессором А. В. Рудаковым отправилась на пароходе «Уссури» в Порт-Артур, никто из них не предполагал, что они могут попасть в переплет. Новый всплеск военных событий, связанных с Боксерским восстанием, на время отвлек будущего синолога от занятий наукой. Как только запахло порохом, Шкуркин добровольно попросился в строй, хотя как студент он имел право не участвовать в боевых действиях. Павел Шкуркин был в составе Печелийского отряда, где формировал колесные и речные транспорты в местности, занятой неприятелем, участвовал в бою при взятии в Пекине внутреннего императорского города. За отличие в бою он был произведен в штабс-капитаны.

В 1903 г. П. В. Шкуркин с отличием окончил Восточный институт. Тогда же увидела свет и его первая научная работа. Профессора из «альма-матер» предложили талантливому ученику подготовиться к сдаче экзамена на профессорское звание. Шкуркин же предпочел на практике продолжить изучение языка и быта китайцев. В те времена настоящим бичом Приморья были хунхузы, и недавний выпускник Восточного института сделал необычный шаг: в мае 1903 года он стал помощником Владивостокского полицмейстера. Вероятно, в это же время Павел Шкуркин и познакомился с поручиком В. Арсеньевым, который служил во Владивостокской крепости.

Вскоре страж закона стал буквально костью поперек горла преступным структурам Владивостока. 25 июля после словесного распоряжения — для соблюдения секретности приказа, - командуя отрядом из 32 солдат 2-го Владивостокского крепостного полка, Шкуркин отправился на о. Попов, в бухту Холувей, на очередную операцию по уничтожению

банды хунхузов. Там была перестрелка, в результате которой он был ранен в руку. Всего полгода проработал Шкуркин в этой должности и был вынужден ее покинуть — отнюдь не по собственной воле. Один из его сотрудников писал ему: «Разобравшись во время Вашего отсутствия в Вашем деле, я с отчаянием опустил руки. С одной стороны, для меня не стало сомнения, что Владивосток сделался центром не только хунхузской деятельности, с которой Вы боролись, но и гнездом алчности, лихоимства и всякой мерзости (во главе которой находится П.); а с другой, — что кроме явного начальства нами руководят такие длинные нити, что до конца их мы дотянуться не можем: руки коротки. Уничтожив шайки хунхузов, пиратскую флотилию и прочие хунхузские предприятия, Вы ведь подорвали источник благосостояния многих лиц, о существовании которых Вы не подозреваете, но которые считают Вас теперь своим личным врагом. А некоторым Ваша деятельность грозила еще кое-чем похуже...».

Во время работы помощником полицмейстера Павел Васильевич успел собрать бесценный материал по хунхузничеству и смог написать несколько этнографических книг, которые позднее увидели свет. «Хунхузы» были готовы в 1919 г. В предисловии к этой книге Шкуркин писал: «Всякая характеристика этого любопытного социального явления в Китае будет не точна; поэтому пусть лучше сам читатель сделает свои собственные выводы из ряда предлагаемых рассказов, объединенных одним общим названием «Хунхузы». Здесь он увидит жестокость, мстительность, человеконенавистничество, разбой с грабежом во всех видах, убийства и т.д., но увидит также верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине. Одного он только, вероятно, не увидит — подлости и предательства. Кроме того, «хунхузничество», как бытовое явление, заслуживает самого глубокого внимания и должно сделаться предметом серьезного научного исследования». Книга П. В. Шкуркина «Хунхузы» стала популярной в среде русского населения на Дальнем Востоке. С одной стороны был высок авторитет автора, с другой — привлекала злободневность темы. В рецензии на эту книгу отмечалось: «Русские в Маньчжурии постоянно

соприкасаются с китайцами и в частности с хунхузами, но почти никто их не знает, а между тем в хунхузничестве, как в капле воды, отражаются все национальные особенности Китая: это социальное явление имеет глубокие корни, гнездящиеся в особенностях характера сынов «черноволосого народа» и укладе их жизни, книга же Шкуркина ярко освещает этот кусочек китайского быта и знакомит нас вообще с Китаем и его обитателями».

Русско-японскую войну Шкуркин встретил в действующей армии. 22 ноября 1904 г. штабс-капитан был назначен командиром тайной разведки отряда генерал-лейтенанта Ранненкампа. Он проникал в самые сложные места и, как отмечалось в его аттестации, неоднократно отличался в боях, свидетельством чему стали многочисленные награды с надписью «За храбрость». Подписывая приказ об увольнении будущего известного синолога в отставку, генерал Ранненкампф писал: «В немалую заслугу штабс-капитану Шкуркину должен поставить то, что он принимал участие, и притом самое деятельное, во всех усиленных рекогносцировках и боевых столкновениях отряда, желая собственным наблюдением проверить результаты своей работы, причем, не ограничиваясь ролью наблюдателя, неоднократно проявлял активную деятельность, высказывая при этом выдающиеся хладнокровие, мужество, энергию». Среди наград П. В. Шкуркина появился и китайский орден Двойного Дракона второй степени. В сопроводительном письме Хайлученской провинции было написано: «Русский офицер Шкуркин вполне проник в чувства китайского населения; исполняя дела, он был защитником китайского населения, помогал ему и не причинял ни малейшего затруднения».

Вернувшись из Маньчжурии, капитан Шкуркин служил в гарнизоне пос. Раздольного. К сожалению, не сохранилось сведений, за какие заслуги он получил следующие два ордена: Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святого Владимира 4-й степени. О последней награде лишь известно, что он был отмечен ею «за выполнение служебного поручения, сопряженного с явной опасностью для жизни». Как ни странно, но в те времена офицеры-восточники не могли похвастаться успешной карьерой. В одной пояснительной записке

отмечалось, что «наверно во всей Российской армии нет других офицеров-специалистов, поставленных в худшие служебные условия, чем восточники — редкие, трудно получаемые специалисты. В самом деле, минимум 4 года усиленного труда на приобретение высшего образования, — офицеры возвращаются в строй, и строевое начальство им сразу заявляет: «Вы отстали от строя. Подучитесь, — иначе мы не можем Вас ни аттестовать, ни дать роты». В результате такого отношения офицер был вынужден забросить изучение языка и целиком посвятить себя военной службе. Поэтому никому из офицеров — выпускников Восточного института — не удалось сделать хорошей карьеры. Их специальность не позволяла им подняться выше звания штабс-капитана. Не стал исключением и П. В. Шкуркин, который решил покинуть службу, благо, страна, которая его интересовала, находилась рядом. В 1913 г. Павел Васильевич вышел в отставку, став переводчиком на КВЖД в Харбине. Именно на эти годы приходится расцвет его как ученого-синолога. Один за другим выходят его труды, совершаются экспедиции.

Дом Павла Васильевича Шкуркина на улице Нагорной (Суханова)

В Харбине он еще раз встретился с В. К. Арсеньевым, которого пригласили в Общество русских ориенталистов прочитать цикл лекций, которые прошли с успехом. В летние каникулы Павел Васильевич путешествовал по Маньчжурии, иногда приезжая в Приморье. Он старался дополнить имеющиеся у него материалы и подготовить свои книги к изданию. Так, однажды он побывал в Адими, недалеко от Славянки, где записал корейские сказки. Шкуркин деятельно работал и в Обществе изучения Маньчжурского края. В свободное время он совершал поездки, которые не всегда были безопасными. Однажды ему пришлось побывать в серьезной переделке. Вот что писала по этому поводу харбинская газета «Заря»: «При объяснении с бандитами г. Шкуркин проявил полное спокойствие, назвал себя, перечислил ряд имен, бывших его учениками, объяснил свои цели и даже показал свою визитную карточку, сказав, что за 38 лет своей работы в Китае он подобного разбойного безобразия не видел. Хладнокровие обескуражило бандитов, а затянувшийся диалог свидетельствовал о воцарявшемся мире. Заметив растерянность разбойников, Шкуркин предложил сфотографировать их, что и выполнил Полумордвинов, запечатлевший на пленке товарища председателя историко-этнографической секции в компании двух разбойников...».

Осенью 1928 г. П. В. Шкуркин с женой переехал на Тихоокеанское побережье США. Хотя в своем прошении консулу для получения американской визы Павел Васильевич писал, что хочет заняться садоводством, почти все свободное время он посвящал любимому востоковедению, бескорыстно консультируя многих ученых, занимавшихся Востоком. В Америке П. В. Шкуркин продолжил и свою литературную деятельность, опубликовав несколько интересных работ по востоковедению. В семейной жизни Павел Васильевич Шкуркин был добрым и заботливым отцом. Правда, члены семьи отмечали его некоторую вспыльчивость, но благодаря отходчивости она не мешала Павлу Васильевичу пользоваться всеобщей любовью. Шкуркин скончался 1 апреля 1943 г. в Сиэтле от последствий уремии. Оба его сына (Олег — специалист по электронике и Владимир — художник и преподаватель) скончались в один и тот же год — 1990 в Калифорнии и похоронены на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

Могила П. В. Шкуркина

Сейчас, к сожалению, нет никаких следов нахождения Павла Васильевича Шкуркина на улице Суханова. Лишь пустырь, рядом с которым каждый день ходят сотни ног.

«Графская площадь» Николай Муравьев–Амурский

Продолжая наше путешествие, мы движемся к небольшой площади имени Николая Муравьев–Амурского.

Николай Муравьев–Амурский

«Товарищи, поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России! Да здравствует император Александр и да процветает под покровом Его вновь приобретенная страна! Ура!», — голос генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева слегка дрожал от волнения, когда 18 апреля 1858 г. он зачитывал свой приказ войскам в Усть-Зейском посту. Два дня назад был заключен Айгунский договор, возвестивший миру о присоединении к России дальневосточных земель.

Подробную информацию о заключении Айгунского договора поместили «Санкт-Петербургские ведомости» в №175 за 1858 г. «Спешу сообщить вам известие, — писал 20 июня корреспондент газеты, — Радостным образом взволновавшее наш город и которое с не меньшим удовольствием будет везде принято в Восточной Сибири. Курьер с Амура, из нашего Усть-Зейского поста, проездом в Петербург привез сюда известие, что генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву удалось заключить с китайскими уполномоченными новый трактат о разграничении России с Китаем. При первом известии об этом в Иркутске один из здешних купцов предоставил 500 рублей серебром в распоряжение губернатора, другой на завтра угостил за свой счет здешний гарнизон; такие изъявления удовольствия, выражающиеся денежными пожертвованиями, посыплются, вероятно, здесь со всех сторон при официальном объявлении о трактате после ратификации, потому что, сколько я мог заметить, известие об этом событии принято здесь с живою радостью, особенно между торговым сословием. Да иначе и быть не могло: бесспорное, трактатом утвержденное, обладание Амуром, прекрасным и по удобству единственным для Восточной Сибири торговым путем, есть факт чрезвычайно важный для этой страны. Мысль об обладании Амуром, о пользовании им была давнишним исконным желанием и стремлением в Восточной Сибири. Генералу Н. Н. Муравьеву удалось начать и довести до конца это дело; имя его теперь будет неразрывно связано в нашей истории с памятью о приобретении Амура, с памятью о тех благодетельных последствиях для промышленности и торговли — как Восточной Сибири, так, смеем думать, даже

и всей России, которые непременно и в непродолжительном времени произойдут из этого исторического события».

Та же газета через пять номеров дала еще одно сообщение о событиях на Дальнем Востоке: «Государь император, по всеподданнейшему докладу Его Императорского Высочества Великого Князя генерал-адмирала, соображений генерал-губернатора Восточной Сибири об особенной важности местоположения Усть-Зейской станицы, находящейся при впадении реки Зеи в Амур, названной генерал-губернатором по случаю закладки в ней 9 мая храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы «Благовещенскою станицею», — в 5-й день июля сего года Высочайше повелеть соизволил: учредить в этом месте город, назвав его «Благовещенск».

26 августа того же года император всероссийский Александр Николаевич издал следующий указ, на этот раз подводящий итог личным заслугам Н. Н. Муравьева: «Граф Николай Николаевич! Примерно ревностное и полезное служение ваше, неоднократно ознаменованное военными подвигами и особыми отличиями на поприще гражданского управления, обратили на себя внимание в Бозе почившего родителя моего. Справедливо оценивая ваши достоинства, Он вверил начальствованию вашему обширный край в отдаленнейших пределах империи. Вы вполне оправдали доверие одиннадцатилетними неутомимыми трудами на пользу и благоустройство вверенной управлению вашему Восточной Сибири... В воздаяние за таковые заслуги ваши, Я возвел вас указом, сего числа Правительствующему Сенату данным, в графское Российское империи достоинство, с присоединением к имени вашему названия Амурского, в память о том крае, которому в особенности посвящены были в последние годы настоятельные труды ваши и постоянная заботливость».

Тем же указом одновременно с возведением Н. Н. Муравьева в графское достоинство он был награжден чином генерала от инфантерии. В том же историческом 1858 г. был подписан еще один указ, после чего и появилось на картах Приморье. В заключении Айгунского договора вместе с Муравьев-Амурским участвовали также обер-квартирмейстер подполковник Константин Фадеевич Будогоский, показывавший во время переговоров на картах все земли, которые отходили к России,

и Яков Парфельевич Шишмарев, переводчик с маньчжурского языка. К.Ф. Будогоский и возглавил экспедицию, которая по горячим следам была организована Сибирским отделом Русского географического общества для исследования новых земель. Вместе с ним в самом начале 1859 года на Уссури выехали два астронома - поручик А.Ф. Усольцев и капитан П.А. Гамов, топограф капитан А.И. Елец, художник академик А.А. Мейер, переводчик Я.П. Шишмарев, а также три отделения съемщиков. Цели и задачи экспедиции были предельно ясны: съемка демаркационной линии, а также побережья Японского моря, и составление подробной карты Приморья.

5 мая 1859 г. основной состав экспедиции достиг озера Ханки, где путешественники заложили первый в Приморье военный пост под названием Турий Рог. Дальнейший путь экспедиции лежал на юг, через пустынную приханкайскую равнину. Усольцев позднее напишет: «Смотря на степное раздолье, так и кажется, что тут же вырастут тысячи людей и пойдут трепать эти раздольные степи, и наставят они хлеба и сена на весь Амур. Но когда это еще сбудется, а теперь пока одни антилопы составляют исключительных обитателей этих пустынь; безопасность их нарушает тигр и волк... С убеждением думается, что в недалгом времени нарушится это безмолвие, и будут эти места театром разумной и обширной деятельности».

Дорога по степи показалась путешественникам несколько утомительной, но стоило им выйти к реке Суйфуну (ныне Раздольная), как все воспряли духом. Буйная южная растительность, напоминающая тропические леса, поразила членов экспедиции. Дубы, достигающие в диаметре семи футов, гигантские папоротники, крепкие лианы, переползающие с одного дерева на другое, создавали непроходимую чащобу. С величайшим трудом люди продирались через дебри, прорубая узкие лазейки для своего небольшого вьючного каравана и проходя в день всего две-три версты.

Оставим экспедицию Будогоского на подступах к конечной цели путешествия — Новгородской гавани и перенесемся мысленно к берегам Японии. «15 июня 1859 года на хакодатском рейде было только два русских судна: пароход-корвет «Америка» под флагом генерал-губернатора Восточной Сибири и винтовой

корвет «Боярин»; другой такой же корвет «Воевода» отправлен был накануне вперед в залив Посьета, а винтовой клипер «Джигит», находившийся здесь при нашем консульстве, послан был 13-го числа в Шанхай с почтой и с тремя кяхтинскими купцами, которые решились наконец подняться со своего теплого местечка и пуститься к неведомым морям — за тридевять земель в тридесятое государство, — чтобы разузнать, какие предметы могут выдержать доставку из Шанхая по Амуру в Сибирь и какие проценты можно нажить от этой поставки...».

Пароход-корвет «Америка»

Чиновник особых поручений генерал-губернатора подполковник Дмитрий Иванович Романов оторвался от бумаг, разложенных на узеньком столике маленькой каюты пароход-корвета «Америка», и выглянул в иллюминатор. По палубе сновали матросы, слышался скрип плохо смазанных талей, поднимающих судовую шлюпку, через минуту застучал паровой брашпиль, загрохотал якорный канат. Корабль покидал Новгородскую гавань после встречи с экспедицией Будогоского. Помахав на прощанье рукой тем, кто оставался на берегу, Романов снова вернулся за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и написал на нем заголовок — «С русского берега». Путевые заметки, начатые им, должны были со временем составить статью для одного из самых популярных изданий того времени — «Морского сборника».

«15 июня, наконец, и мы на пароходе «Америка» простились с Хакодате, простились не окончательно, потому что зайдем еще сюда на обратном пути из Китая, - продолжал писать Романов. - В этот день с утра поднялся ветер, который усиливался все более и более. Барометр, падая, быстро опустился наконец до 29, 08 ...

Следующий день, 18 июня, предполагалось посвятить подробному обзору и исследованию всех частей залива Петра Великого. Снявшись с якоря, мы пошли вдоль западного берега укрывшего нас залива и в недалеком расстоянии от места нашей стоянки усмотрели углубление, вдавшееся в берег в юго-западном направлении. Мы обошли кругом вдоль берегов этого новооткрытого залива».

Встретив в Посъете экспедицию Будогоского, «Америка» снялась в Китай и 1 июля 1859 г. бросила якорь в гавани Вей-хайвей. Вскоре в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась небольшая заметка следующего содержания: «... начальник нашей демаркационной комиссии подполковник Будогоский отправляется в Пекин для утверждения окончательной пограничной черты русских владений в Маньчжурии. По этой черте весь приморский берег Маньчжурии, прикасающийся к Японскому морю, и, как по исследованиям оказалось, никому не принадлежащий, отмежеван в черту русских владений. Южная часть этого берега близ Кореи, значит, в широте закавказских провинций, оказывается изрезанною таким количеством самых отличнейших бухт и гаваней, что едва ли можно найти другой берег в мире, где бы на таком малом пространстве прекраснейшие гавани следовали одна за другою в таком количестве, что трудно выбрать и определить, которая из них лучше. Знаменитая Севастопольская гавань и Золотой Рог в Босфоре должны уступить первенство здешним гаваням и бухтам. Вблизи этих гаваней местность покрыта девственными тропическими лесами, перевитыми лианами, в которых дубы достигают диаметра одной сажени. Образцы этой гигантской растительности изумительны и никогда нами не были еще видимы; подобное что-нибудь можно встретить только в лесах Америки. Какая великая будущность таится в этих доисторических лесах в связи с великолепнейшими гаванями мира! Недаром этот лабиринт заливов носит название

залива Петра Великого, недаром лучший из портов назван Владивостоком, потому что здесь колыбель нашего флота на Тихом океане, русского значения на его широком лоне, не запертом пушками Зунда, Гибралтара и Дарданелл, и нашего владения Востоком. Здесь все дары природы сосредоточены в одну группу и способны развить сильную колонизацию и сильное торговое движение».

Блестящее описание нашего края, не правда ли, и какое точное предвидение его будущего на столетие вперед! Вы, конечно, заметили, что в этом описании, относящемся к середине 1859 года, уже встречается название Владивосток. Правда, означает оно пока еще не город и даже не пост, которых тогда не было и в помине, а хорошую бухту, пригодную для устройства порта.

Кто же дал Владивостоку его звучное и красивое название? Известно, что оно появилось в газете, а затем и на картах, вскоре после того, как пароход-корвет «Америка», следуя за Будогоским из Николаевска в Новгородскую гавань, зашел на короткое время в бухту Золотой Рог. Статья для «Санкт-Петербургских ведомостей» была написана сразу же по горячим следам на «Америке», и Будогоский увез ее в Пекин, откуда она тотчас же ушла с курьером в Санкт-Петербург.

Фамилии автора под статьей нет, но если мы полистаем подшивку тех же газет, то сможем встретить еще одну похожую статью о южном Приморье, в частности о заливе Петра Великого. Она была написана 15 декабря 1858 года тогда еще капитаном Д.И. Романовым, постоянно сотрудничавшим с этой газетой. Сходство формулировок двух статей, одинаковый стиль позволяют предположить авторство Романова и в более поздней газетной публикации, а значит, ему, возможно, и принадлежит идея назвать новый порт на Тихом океане по аналогии с Владикавказом — Владивосток.

Сам же Н.Н. Муравьев-Амурский об этом историческом плавании писал так: «Бухту Посъета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-Ула, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но оказывается необходимо: в бухте Посъета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы ее захватили

при первом разрыве с Китаем. Я уверен, что убеждение это подействует и в Пекине. При устье реки Суйфуна, немного северо-восточнее бухты Посъета, множество прекрасных заливов».

Первым русским постом в заливе Петра Великого стал Посъет. 22 февраля 1860 года командир винтового транспорта «Японец» получил приказ о высадке сюда военного отряда.

Это плавание Муравьев-Амурского блистательно завершило карьеру генерал-губернатора Восточной Сибири. «Надо помнить, — писал известный беллетрист А.Я. Максимов, — Что Китай, уступая Амур и Уссури, исполнил требования России только благодаря энергии графа Н.Н. Муравьев-Амурского. Китайцы, видя такую его настойчивость, никак не предполагали, что за ним стоит всего только несколько сот штыков; им казалось, что решительные действия графа могли опираться лишь на грозную военную силу, и они уступили, но уступили в намерении и надежде вернуть потерянное, уступили с затаенною злобою и ненавистью к русским пришельцам». Тогда же Муравьев-Амурский отдал приказ описать южное Приморье.

15 января 1860 г. граф писал военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П.В. Казакевичу: «... все распоряжения мои относительно занятия правого берега р. Уссури и постройка на Уссури канонерских лодок остаются в прежней силе, равносильно как и распоряжения касательно раннего выхода нашей эскадры в море, крейсерования в течение всего лета вдоль залива Петра Великого, описи берегов и, наконец, занятия двух пунктов на берегу при заливе Петра Великого. Министерство иностранных дел, в отношении своем ко мне от 13 октября [1859], № 30, разрешает, правда, занятие гавани Новгородской (Посъета) только в случае крайности, но так как я в виду политических обстоятельств будущего лета усматриваю совершенную крайность в том, чтобы Россия стала твердою ногою на всем побережье до границ Кореи, то долгом считаю подтвердить Вам снова о занятии военными постами в нынешнем году гаваней Новгородской и Владивосток».

После окончательного разрешения всех спорных вопросов с Китаем граф Муравьев-Амурский с нетерпением ждал

возможности сдать свою должность М.С. Корсакову. «...все же нет причины хоронить меня в Сибири, — писал он другу в своем последнем письме из Иркутска, — Разумеется, что я никаких приглашений и предложений не приму ни в Сибирь, никуда; теперь, благодаря Игнатьеву (заклучившему Пекинский договор) совесть не грызет меня за китайские дела; но главное в том, что они не видят и не ощущают, как я перестал быть годен на всякое дело; не хотят понять, что у меня есть совесть и что переслуживать, по-моему, — преступление».

В Петербург Н.Н. Муравьев-Амурский прибыл 11 февраля 1861 г. и в тот же день имел продолжительную беседу с царем. После этого он подал прошение об увольнении с должности генерал-губернатора Восточной Сибири с последующим длительным заграничным отпуском для лечения.

«...Граф Николай Николаевич! Тринадцатилетними неусыпными трудами Вашими положены прочные основания к утверждению гражданского благоустройства и развитию промышленного благосостояния Восточной Сибири. Необходимые меры к успешному заселению весьма обширного, Вами приобретенного края, в особенности с изменением юго-восточных границ оного, и вызванные созданием военно-сухопутных учреждений составляли непрестанно предметы неутомимой заботливости Вашей. Важные для успехов торговли нашей благоприятные отношения к сопредельным Китаю и Японии поддержаны и вновь скреплены при непосредственном участии Вашем».

Наконец-то Муравьев-Амурский держал в руках долгожданный документ с высочайшим позволением уйти в отставку. Уже не раз подавал он царю прошение, но оно неизменно отклонялось, и вот приятная весть. Вместе с рескриптом, подписанным царем в исторический для России день 19 февраля 1861 г. — день отмены крепостного права в империи, — Муравьев-Амурский получил и награду — орден Святого Владимира первой степени с мечами.

Слухи о том, что Муравьев-Амурский собирается в отставку и окончательно уезжает из Сибири, давно уже ходили среди его подчиненных. Еще задолго до возвращения генерал-губернатора в Петербург все, хорошо его знавшие, решили

сделать ему подарок в память о деятельности в Восточной Сибири. О том, что подарить, думали и спорили очень долго. Одни предлагали столовое серебро, другие - эпическую картину на тему освоения Дальнего Востока, заказанную у известного художника. Уже перед самым приездом Муравьева-Амурского из Иркутска решено было подарить ему серебряные часы, изготовленные по специальному заказу.

Часы, ставшие поистине уникальными, отливались по рисункам академика Зичи. Циферблат вместо обычных чисел имел надпись: «16-го мая 1858 г.» - дата заключения Айгунского договора. Над циферблатом два гения поддерживали герб Н.Н. Муравьева-Амурского, кроме того, у одного из них был еще и маленький щит с датами «11/19 января 1851-1854 гг.», это были годы первых русских экспедиций на Амур. По обеим сторонам циферблата две фигуры казака и китайца символизировали сближение России со Срединной империей. Около этих фигур располагались эмблемы зарождающейся деятельности во вновь приобретенных землях: развитие промышленности и торговли, результаты научных экспедиций и т. д.

По бокам массивных часов были отлиты барельефы: первые плавания по Амуру и его лиману, вид Николаевского поста в 1855 г., сцена заключения Айгунского договора и торжественное построение войск в станице Благовещенской. Увенчивала часы фигура красивой женщины, олицетворяющей реку Амур. С тыльной стороны часов были выгравированы имена людей, преподносивших этот уникальный подарок, всего около двухсот. Для этих часов был сделан мраморный пьедестал с маленьким органом, который играл «Амурский марш» и другие музыкальные пьесы, звучавшие во время первых экспедиций по Амуру.

Окончательно часы были готовы к первому марта 1859 г., в этот день и состоялось их вручение виновнику торжества. Муравьев-Амурский занимал тогда квартиру в доме на углу Большой Морской улицы и Кирпичного переулка. Рядом с ним жил начальник штаба войск, расположенных в Восточной Сибири, Б. К. Кукель. Между этими квартирами имелся никем незанятый большой зал. В нем-то, пройдя через квартиру Кукеля, и собрались сибиряки-дальневосточники. Часы установили

в центре зала и пригласили туда ни о чем не подозревавшего Муравьев-Амурского. Отставной генерал-губернатор не смог сдержать слез, настолько он был тронут вниманием тех, с кем делил все тяготы нелегкой жизни на Дальнем Востоке. Тут же было решено собраться всем вместе на следующий день и пообедать в ресторане «Малый Ярославец». Тем самым и была положена традиция «амурских обедов» - так стали называться ежегодные встречи людей, так или иначе связанных с освоением Дальнего Востока.

Официальные власти также не замедлили подчеркнуть деяния графа. 3 октября 1860 года высочайше было утверждено положение о двух стипендиях на факультете восточных языков (китайско-маньчжурское отделение) Санкт-Петербургского университета. 9 февраля 1863 года Троицкосавское женское училище было переименовано в училище им. гр. Муравьев-Амурского. Во Владивостоке имелось школа им. графа Муравьев-Амурского и стипендия.

В 1881 г. Н. Н. Муравьева-Амурского не стало. В метрической книге Свято-Троицкой Александро-Невской церкви, состоящей при Российско-Императорском посольстве в Париже, читаем: «1881 г., ноября 18-го дня скончался от гангрены член Государственного Совета, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, 72-х лет от роду. Перед смертью был исповедован и приобщен Святых Таин протоиереем Василием Прилежаевым. Тело предано земле на Монтмартовском кладбище в Париже».

На 25-летнем юбилее «амурских обедов» было принято решение увековечить память о Н. Н. Муравьеве-Амурском. К этому времени уже было собрано по подписке 54 тысячи рублей на памятник бывшему генерал-губернатору, который сначала хотели установить во Владивостоке как «конечном морском пути», но большинством голосов решено было поставить прочный крест с надписью на месте слияния Шилки и Аргуни, откуда ушла в путь первая экспедиция Н. Н. Муравьева. На памятник собрали не так много денег. Поэтому генерал губернатор восточной Сибири Д. Анучин решил не торопиться и подождать, когда утвердят Приамурского

генерал-губернаторство (1883). Для самого же памятника облюбовали место в Хабаровске — на величественном утесе, у подножья которого Уссури вливается в Амур. В первый состав комитета вошли адмирал П. В. Казакевич, тайные советники М.С. Волконский и М.Н. Галкин-Враский и отставной статский советник Ф.А. Анненков. Они-то и окончательно решили в пользу Хабаровска. 14 февраля 1888 г. царь утвердил модель памятника. Опекушин предлагал сделать искусственную скалу с хроникой событий и эмблемами. Но такой вариант в Санкт-Петербурге был дорог. Поэтому постамент решили делать из местного камня, который нашли в окрестностях станицы Михайло-Семеновская, но оттуда далеко и было найдено месторождение светло-серого сиенита в 1889 г.

В феврале 1900 г. состоялся 37-й «Амурский обед», на котором предложили перенести прах Муравьев-Амурского из Парижа. Генерал-губернатору Приамурского края сразу же ушла телеграмма: «На Амурском обеде выражено общее желание просить Вас поднять вопрос переноса праха графа Муравьев-Амурского из Парижа в Хабаровск под памятник. Не откажите исполнением сообщить. Генерал Александров, граф Игнатьев, Духовской, князь Волконский».

За согласием перенести прах амурцы обратились к военному агенту во Франции полковнику Валериану Валериановичу Муравьев-Амурскому, который ответил 2 мая 1900 г., так: «... по вопросу перевезении на берега Амура тела дяди моего, графа Н. Н. Муравьева Амурского, имею сообщить, что со стороны родных, из коих ближайший я, не только не будет препятствия к выполнению сего предположения, но полное и совершенное сочувствие и согласие. Что касается места нового погребения тела покойного покорителя Амурской и Уссурийской страны...». Прах думали перевезти во Владивосток, но начавшаяся вскоре первая мировая война, а затем и революция отодвинули выполнение намеченного на долгие годы. В советское время крест на Шилке и памятник в Хабаровске были отправлены на переплавку. Только недавно хабаровчане вновь отлили памятник графу и установили на прежнем месте. Не остались в долгу и владивостокцы: в 1991 г. прах Н.Н. Муравьев-Амурского был перенесен во Владивосток.

Прах Н.Н. Муравьев-Амурского
(площадь им. Н.Н. Муравьев-Амурского, Суханова)

Выше облаков (площадь им. Н.Н. Муравьев-Амурского, Суханова)

Теперь во Владивостоке есть площадь, посвященная этому замечательному человеку. Здесь можно спокойно посидеть, почитать книгу или просто наслаждаться открывающемуся виду.

Грозно и величественно (Н.Н. Муравьев–Амурского)

Гармония красоты и спокойствия
(площадь им. Н.Н. Муравьев–Амурского, Суханова)

«Литературное дело» Борис Дмитриевич Оржих

Насладившись видом, закончив очередную главу книги можно продолжить путешествие. Последняя остановка находится с левой стороны от площади. На данный момент это считается улицей Лазо, но на ней стоит старый дом, который когда-то был строением улицы Сухановой.

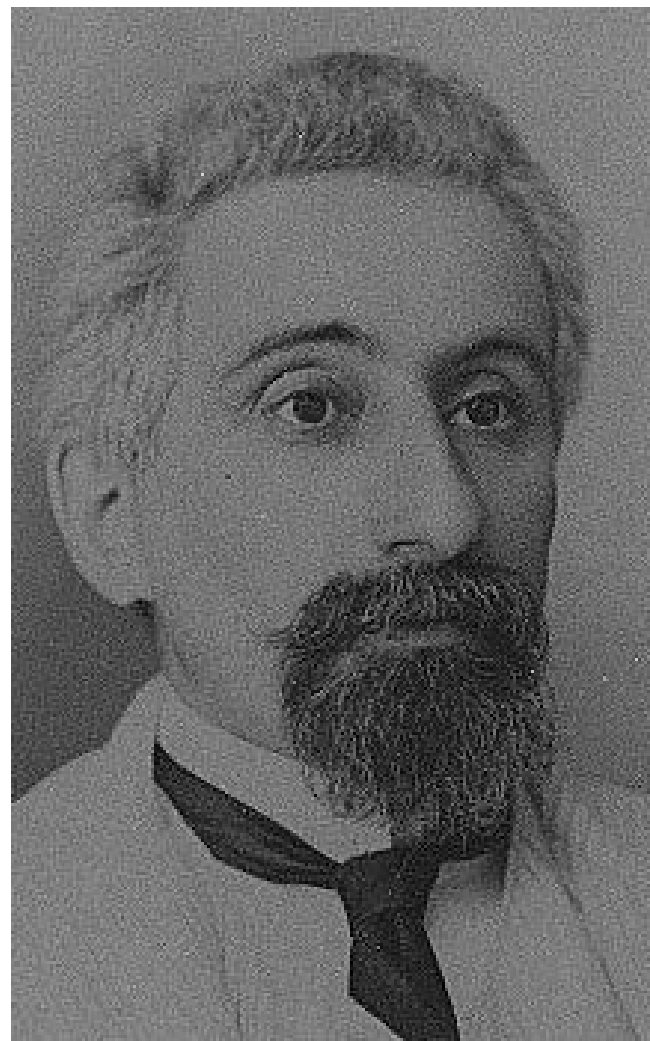
Дом на улице Сухановой 26 (ныне Лазо 26) был построен в конце XIX века. Одной из его владелиц была Любовь Самуиловна Беркович. Сама она жила на третьем этаже, а два других сдавала. Некоторое время в доме проживал ссыльнопоселенец Борис Дмитриевич Оржих. Оказавшись в 1899 году во Владивостоке, он увлекся здесь журналистикой и разведением цветов.

На 1901 год во Владивостоке помимо городской читальни были зарегистрированы следующие собрания: библиотеки Общества народных чтений, Общества изучения Амурского края и Общества врачей Южно-Уссурийского края, Морская библиотека, библиотеки Уссурийской железной дороги, железнодорожного контроля, Приморского областного правления и почтово-телеграфной конторы, библиотеки учебных заведений — Восточного института, мужской и женской гимназий, а также частная библиотека Михаила Ивановича Янковского. Но пользоваться этими книжными фондами мог лишь ограниченный круг жителей Владивостока: члены Обществ, учащиеся и преподаватели, работники этих предприятий.

О создании во Владивостоке общегородской библиотеки по-прежнему шло много разговоров. Уже никто не был против, спорили только о том, когда ее открыть. Неожиданно вопрос решился сам собой. Идею подтолкнули «1000 томов, жертвуемых городу Оржихом», как было-написано об этом событии в постановлении городской думы.

Б. Д. Оржих был весьма неприметным человеком. Он жил у подножия Орлиной сопки и занимался цветоводством, арендуя оранжерею у Общества изучения Амурского края. Глядя на его

преждевременно состарившееся лицо и сгорбленную фигуру, едва ли кто мог предположить, что еще совсем недавно имя этого человека приносило немало беспокойства высоким чинам полиции Российской Империи.

Борис Дмитриевич Оржих

Оржих родился в Одессе 23 ноября 1864 года. С 16 лет он участвовал в революционной борьбе, был одним из активнейших членов «Народной воли». Когда к весне 1883 года организация оказалась разгромлена, он вместе с В. Г. Богоразом и Л. Я. Штернбергом создали Южно-русскую организацию «Воли».

Вскоре Оржих был арестован. На суде он присутствовал больным. В зал заседаний его внесли в кресле. Рядом стоял фельдшер и иногда подносил кислородную подушку теряющему сознание революционеру. По сути дела, суда не было. Скороговоркой прочитали обвинительное заключение. В последнем слове Б. Д. Оржих заявил, что смертную казнь «он будет считать наградой за свои убеждения», и по вынесении этого приговора воскликнул: «Браво!»

Вскоре смертную казнь ему заменили вечной каторгой, в результате чего Оржих и попал на Дальний Восток. Вначале он работал на Маньчжурской железной дороге, а с августа 1899 г. стал репортером «Восточного вестника». Эта газета была образована кружком интеллигентов. Владелец ее и редактором был врач В. Ф. Сущинский. Рентабельность своей газеты он хотел повысить с помощью нищенского гонорара. Среди сотрудников газеты вспыхнул бунт, и они подали на хозяина в суд. Так возникло во Владивостоке известное в то время «Литературное дело». В судебном процессе принял участие и Оржих. «Разве это не грубая эксплуатация, — говорил он на суде, — И явное желание унижить литературный труд?»

Подарок этого незаурядного человека городу был еще одним свидетельством его пламенной натуры, подлинного душевного бескорыстия. Подаренная им библиотека состояла в основном из беллетристики, книг по географии, естествознанию и общественным наукам. Много было и периодических изданий 1896–1900 годов.

В 1905–1906 гг. Оржих, являясь членом партии социалистов-революционеров, был одним из руководителей революционного движения во Владивостоке. После разгрома восстания бежал в конце февраля 1906 г. в Японию. В Нагасаки Оржих руководит издательством «Восточного автономного заграничного комитета партии С.-Р.». В 1910 г. Б. Д. Оржих уехал

в Южную Америку и поселился в Сантьяго, где и скончался 14 апреля 1947 г. Согласно старинному адрес-календарю, в 1912 г. в доме Берковича находилось Акцизное управление. Ныне здание считается памятником архитектуры, в нем размещены офисы различных компаний.

Сочетание двух эпох (Суханова 26, дом Оржиха)

Красота в строгости (Суханова 26, дом Оржиха)

Послесловие

Вот и подошло к концу наше путешествие по улице Суханова. Однажды побывав здесь, хочется возвращаться сюда снова и снова. Это удивительное место, совершенно отличающееся от всего города Владивосток. История здесь соседствует с современностью в гармонии. Спокойствие, которое царит на всей улице не нарушается быстрым потоком машин.

Практически с любой точки Суханова можно наслаждаться потрясающим видом. Идя по улице, ты сам не замечаешь, как останавливаешься и долго смотришь на мост, подпирающий небо; на море, которое сияет в лучах солнца; на город, лежащий буквально на ладони; на величественные памятники и старинные дома.

И смотря на это красоту понимаешь не зря говорят про улицу: «Отсюда виден весь город!».

Возвращайтесь сюда еще (улица Суханова)

Исторический путеводитель

Амир Хисамутдинов

Улица Суханова

На уровне неба

Технический редактор Шевченко Анастасия

Корректор Шевченко Анастасия

Верстка Шевченко Анастасия

Художественное оформление Шевченко Анастасия

Электронное издание. Формат 70*90/16.

Все права защищены. Издание предназначено для частного просмотра. Ограничений по возрастным категориям нет.

Заказ 1

© Издательство «ДВФУ»,